

Святоотеческая терапия (нравственно- ориентированная) основана на святоотеческом подходе. Аскетические и психологические методы направлены на врачевание души от страстей.

Владение христианской парадигмой позволяет строить практическую и консультационную работу по-другому, поскольку источник конфликта в душе (страсти), а эмоциональная сфера – это внешнее проявление.

Наиболее полно и целостно, систематизировано и действенно представлено учение о врачевании и спасении души и человека в целом (тело-душа-дух) в святоотеческой литературе, а корень или начало в Священном Писании.

Христианская антропология может существенно дополнить академические знания. Возможна интеграция, но для того, чтобы это произошло необходима вера в Бога и религиозное сознание.

Литература:

1. Добросельский П.В. *Общие аспекты психики или введение в православную психологию.* – М.: Благовест, 2008.
2. Свт. Феофан Затворник. *Воплощённое домостроительство. Опыт христианской психологии в письмах.* – М.: Правило веры, 2008.
3. Шеховцова Л.Ф. *Преодоление страсти аскетическими и психологическими методами.* – М.: Изд-во Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры,

ГРИНЕВИЧ Е. А.

КАНДИДАТ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ ФИЛОСОФИИ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА;

ВЕРЕЩАКО А. И.

АСПИРАНТ КАФЕДРЫ ФИЛОСОФИИ И МЕТОДОЛОГИИ НАУКИ БЕЛОРУССКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СТРАХ И УПОЕНИЕ ТЕХНИКОЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ (Ж. БОДРИЙЯР)

Яркой чертой современности является феномен «общества потребления». Названный объект изучения подвергается анализу многочисленных гуманитарных наук: философией, социологией, психологией в том числе и богословием. На наш взгляд, данная проблематика представляет интерес в ракурсе рассмотрения философии техники и православной этики. Духовный кризис, о котором так много говорят, в научном дискурсе, фундируется в потребительском отношении человека к техническим объектам. Данный способ взаимодействия экстраполируется на межличностные отношения, характеризуется преобладанием материальных ценностей перед духовными. Духовность как бы «расстворяется» в погоне за сменяющимися друг друга техническими новинками, а постоянством является бесконечная смена трендов.

Главной характеристикой любой вещи становится ее функциональность: «Итак, функциональность вещи – это не запечатленность в ней какого-то реального труда, а приспособленность одной формы к другой (формы рукоятки – к форме руки), в которой устраняются, опускаются реальные трудовые процессы» [1, с.45]. Все подчиняется этой безграничной власти формы, лишь она становится важной. Рукоятки исчезают как мебельная фурнитура, двери и дверки открываются и закрываются сами, а достоинство автомобиля исчерпывается его эргономичностью. Отсутствие рукоятки выражает все большую абстрактность вещи, она стремится к бесконечному самонивелированию. Исчезновение «жеста», в понимании Бодрийяра, в конечном счете, приводит вещь просто к форме «сподручности». Вещь теперь не только не продолжает человеческую руку, не только не заменяет ее, она делает ее ненужной, отрицает ее. «Сподручность» вещей отрицает человеческую телесность, отбрасывая ее в ожидании обращенности к себе, декларируя стремление находится всегда рядом.

Для того чтобы зажечь свет, выключатель для руки уже не нужен, следовательно не нужен уже и сам человек. Сам «стиль» вещей определяется функциональностью их форм. «Становясь совершенной, форма отводит человеку роль стороннего созерцателя собственного могущества» [1, с.47]. Философ смело заявляет о факте совершения революции быта, а именно: вещи стали сложнее чем действия человека по отношению к ним. Многие привычные жесты становятся ненужными, изменяется структура человеческой телесности, что несет за собой глубокие психофизиологические последствия.

Конкуренция с машиной, не простое занятие, ведь последняя создана человеком в стремлении к совершенству. Бодрийяр вспоминает старую притчу об иллюзионисте, создавшем сверхмашину и вынужденном двигаться неуклюже-механично, чтобы публика смогла отличить самого мастера от его творения. Человечество склонно верить не в реальность а в ее совершенную копию – симулякр. Последний успешно регулирует реальность и уже сам человек становится абстракцией по отношению к симулякру. «Перед лицом функциональной вещи он оказывается дисфункционален, иррационально-субъективен; отныне он – пустая форма, открытая для любых функциональных мифов и любых фантазматических проекций, связанных с оглушительной эффективностью внешнего мира» [1, с.49]. Зачарованность собственным могуществом и бессилие противостоять абстрактному творению собственной мысли напоминает ситуацию трагической гибели гигантского судна, плавно уходящего в морскую пучину в лучах кроваво-красного заката над водной гладью. А оцепеневший от ужаса трагедии и эстетического восторга, случайный наблюдатель, не в силах что-либо сделать.

Наряду с функциональностью вещи присутствует также мифология предметов. «Связность функциональной системы вещей возникает оттого, что эти вещи (и отдельные их аспекты – цвет, форма и т.д.) обладают уже не самостоятельным смыслом, но всеобщей функцией знаковости» [1, с.55]. Если сами вещи, являясь второй природой, не могут заменить собою оригинал, они несут в себе отсылку к Природе, ее строй. Особенно в технике всегда присутствует некая первичная функция, бессознательное влечение, символическая

соотнесенность с человеком. Материальность вещи уже не совпадает с собранными в ней материальными потребностями. Между ними вклинивается манипулируемая социумом потребность в абстрактных знаках. В вещах и технике теперь заключено нечто большее, чем просто функциональность. Вещи становятся объектом вождения, престижа и статусности. А сами они отсылают к чему-то другому.

В машине воплощаются все обывательские мечты: жажда скорости, комфорта, мощи, статуса, уникальности, изысканности, богатства, взросления, свободного перемещения, заботы и так далее. Не трудно опровергнуть все эти мифы, важно лишь одно, что простая, казалось бы, самоходная повозка в постиндустриальном обществе до отказа нагружена дополнительным символическим содержанием. Освальд Шпенглер в двадцатые годы двадцатого века писал о том, что в больших городах порой бывает быстрее дойти до нужного места пешком, чем ехать на автомобиле. И если в Средневековье самым страшным при жизни было отлучение от Церкви, то сегодня большим страхом каждого имеющего водительское удостоверение горожанина является лишение водительских прав. Ж. Бодрийяр даже сравнивает это событие с актом социальной кастрации. Представитель закона, забирающий водительское удостоверение у правонарушителя, воспринимается как человек, лишаящий другого права на свободное передвижение, то есть практически лишает его свободы. А последняя символически отождествляется водителем с перемещением на автомобиле.

Дворянские титулы, чистота крови, благородное происхождение утратили свою символическую значимость, их место заняли материальные вещи: мебель, техника, гаджеты и драгоценности. Каждый человек, меняющий свой социальный статус, тут же стремится изменить свою материальную составляющую (?). Я говорю «свою», так как теперь сложно выделить самоидентификацию человека, не обращаясь к его вещам. Для менеджера, которого сегодня повысили на работе, он – это купленный в кредит новый автомобиль, новый смартфон последней модели, новый планшетный компьютер знаменитого американского бренда, костюм от популярного модельера. За вещами не видно личности. Она слита с техникой и образом жизни, диктуемом ею. Потреблять, чтобы жить и жить, чтобы потреблять. В этом удел современного человека, поработанного техникой и технологией.

Наряду с функциональным и знаковым (символическим) значением вещи существует еще одно – псевдофункциональное. Псевдофункциональное значение вещи, философ обозначает словом «штуковина». Всякая «штуковина» обладает способностью что-то делать, но если машина – прямо заявляет о своей функции, то «штуковина» это пробел в функциональном мире, никогда до конца неясен перечень ее применимости, он предельно широк. Предметов с невнятной функциональностью достаточно много, включите хотя бы телемагазин на диване. «Что прежде было лишь милой причудой и индивидуальным неврозом, ныне, на серийно-индустриальной стадии, становится непрерывной деструктуриацией бытового сознания, смятенного или же взвинченного обилием деталей» [1, с.96]. Машина и штукавина взаимно исключают друг друга. «Штуковина – это форма вырождения функциональности машины. Машина совершает операции над реальностью, «штуковина» же – это только формальная операция над миром в целом, она бессильна в реальности, но обладает абсолютной силой в плане воображаемого.

Природные процессы оперируемые «штуковиной» рождают фантазм господства человека над миром. Именно поэтому «штуковина» символически оперирует природой в целом. В этом заключается ее миф и секрет. Но не будем торопиться называть «штуковинами» только лишь псевдофункциональные вещи, такие как планшетный компьютер или смарт-часы от ведущих производителей электроники. Ведь: «Именно в силу иррациональных фантазмов человека за каждой машиной вырастает «штуковина», иначе говоря за любой конкретно-функциональной практикой появляется фантазм функциональности» [4, с.98]. В своем существенном значении техника призвана решать какую-то проблему, например проблему преодоления расстояния. В своем несущественном значении техника решает социальные или психологические проблемы. На примере автомобиля мы уже рассматривали символическое значение этой вещи. Но «вещь вещей», как говорит Бодрийяр, универсальна для многих экспликаций.

Современная техника, как и вещи в целом несут в себе не функциональные, а формальные различия. Формальное ставится выше содержательного, в этом есть проблема духовности XXI века. Эти тенденции находят свое выражение также в образовании. Вседоступность информации растворяет в себе ее содержание. С развитием технологий передачи данных и миниатюризацией ПК, доступ к информации с одной стороны, стал гораздо более упрощенным, с другой – более проблематичным в плане своей релевантности» [2, с.242]. Все мобильные телефоны и смартфоны, автомобили, бытовая техника и электроника похожи друг на друга. Но брендов и марок – великое множество. Все различия в них строятся на формальном основании, хотя цены на эти товары могут сильно отличаться. «Поскольку покупателю предлагается широкий набор возможностей, то человек не просто покупает нечто необходимое, но личностно вовлекается в нечто трансцендентное вещи. У нас, собственно, больше нет возможности не делать выбора, покупать вещь просто ради ее применения – сегодня больше нет вещей, которые предлагались бы покупателю на таком «нулевом уровне» [1, с.116]. Мы еще раз возвращаемся к пониманию того, что вещь это не только разрешенная за нас проблема, это не просто символический капитал, который что-то говорит нам или «о нас», это нечто еще большее, нечто трансцендентное. Мы свободные личности, но так или иначе, со всей своей свободой современный человек вынужден вступать в систему культуры, а последняя, через общество навязывает нам свою власть. «Таким образом, выбор лишь кажущийся: мы переживаем его как свободу, но гораздо меньше ощущаем, что он нам навязывается, а через его посредство и целое общество навязывает нам свою власть» [1, с.116]. При совершении покупки любая наша интенция по акцентированию нашей индивидуальности, заранее обречена на провал, так как совершив покупку мы неволей включаемся в экономическую сферу культуры.

Социализация и персонализация личности теперь происходит в отличии. А именно несущественном отличии одной вещи от другой. При этом экономические процессы, в которые вступает потребитель,

регулируются не им. Вещи ускользают от человека не только в силу множественности вновь возникающих формальных усовершенствований техники (которые условно считаются прогрессом), но и в плане меняющейся моды на эти самые отличия. Бодрийяр пишет, что фактором нехватки вещей в обществе относительного изобилия служит не редкость вещи, а ее недолговечность. Недолговечность вещей поддерживается модой, с одной стороны, и нацеленностью на это производство – с другой. Если во время написания «Системы вещей» производители говорили об этом «по секрету», то в двадцать первом веке этого уже никто не скрывает. Крупный бизнес открыто заявляет, что срок службы автомобиля любого класса составляет пять лет, а острота лезвий знаменитого производителя бритв, специально ухудшена, чтобы компания не обанкротилась.

Возвращаясь к проблеме выбора, следует сказать, что если «специфические отличия» производятся в промышленном масштабе, то доступный человеку выбор изначально фиксирован. А это значит, что он обладает не только иллюзией выбора, но и эфемерностью личностной непохожести на других индивидов. «Стремясь внести в вещь нечто такое, что делает ее единственной, сознание само же и овеществляется в этой детали. Таков парадокс отчуждения: живой выбор воплощается в мертвых различиях; прибегая к ним, наш проект становится самоотрицающим и несбыточным» [1, с.127]. Персонализация является экономически детерминированным процессом, а следовательно, она управляема теми кто стоит у штурвала мировой экономики. Такой status quo понимается большинством потребителей как личная свобода.

Итак, подводя итог, мы можем сказать, что человек сотворивший машину своим трудом, вынужден считаться со своим новым соседом, изменившим его не только внешне, но и внутренне. Производственная машина, создает мнимое впечатление свободы, уникальности человека и сама является мерилом, на которое должен равняться человек. Ареол любви и заботы, витающий в коннотации машины, свойственный прежде нашим близким и друзьям, погружает индивида в мир иллюзии и фантазмов. Его существование сводится в точку постоянного потребления и служения вещам. «Став для нас лучшими друзьями, современные «умные вещи» во многом берут ответственность за наше собственное Я. В отличие от механических конвейеров прошлого, которые объективировали личность, превращая ее в деперсонализированный элемент производства, компьютер «субъективирует» человека» [3, с. 319]. Другими словами, ваша самость заключается в вашей технике и вещах, которыми вы владеете. Человек – это его вещи. А последние так нороят сбежать от вас в гонке неопределяющих различий, моды и недолговечного существования. Человеческая самость убегает вместе с этими вещами. Вопрос лишь в том, как долго индивид способен за ней гоняться.

Данная проблема интересна так же в контексте проблемы «свободы» в христианском вероучении, где ответственность лежит на плечах человека, обладающего свободой выбора данной Богом. Последний несет на себе ответственность за свой действия.

Литература:

1. Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр / Пер. с фр. С. Зенкина. – М.: Рудомино, 1995. – 172 с.
2. Верещако, А.И. Технология дистанционного обучения как попытка преодоления «посава» М. Хайдеггера / А.И. Верещако, Е.А. Гриневич // Система «Наука-технологии-инновации»: методология, опыт. Перспективы: Материалы междунар. науч.-практ. Конф., 1 декабря 2106 г. / под. ред. В.В. Гончарова. – Мн.: Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси, 2016. – С. 242-245.
3. Хомич, Е.В. Постантропологический кризис как ирония истории / Е.В. Хомич // Синтез философии, науки и культуры. К 80-летию академика В.С. Стёпина / ред. кол.: А.Н. Данилов (отв. ред.) [и др.] – Минск: БГУ, 2014. – С. 312–321.

ПРОТОИРЕЙ АЛЕКСАНДР ПРОНИН

АСПИРАНТ Минской духовной академии

ФЕНОМЕН СВЕТА В ИСЛАМСКОМ МИСТИЦИЗМЕ

Феномен света в среде исламских мистиков находит свое обоснование в самом Коране. «Аллах – свет небес и земли. Его свет – точно ниша; в ней светильник; светильник в стекле; стекло – точно жемчужная звезда. Зажигается он от дерева благословенного – маслины, ни восточной, ни западной. Масло ее готово воспламениться, хотя бы его и не коснулся огонь. Свет на свете! Ведет Аллах к Своему свету, кого пожелает, и приводит Аллаха притчи для людей. Аллах сведущ о всякой вещи» (Кор. 24. 35)! Понятие «свет» (нур) возникло, в исламской аскетике, с понятием «богопознание» (марифа). Уже в IXв. в среде ранних суфиев существовали представления о любви Бога к человеку, о возможном мистическом познании Бога теми мусульманами, которые отрешились от всего мирского. По мнению российского исламоведа И.Р.Насырова, первым кто говорит о любви Бога к человеку, является ранний суфий по имени Абд ал-Вахид ибн Зайд (ум. 792г.). В его учении любовь между Богом и человеком, а также практика «отрешения от мирского» (зухд) служат необходимым условием для богопознания, для снятия той завесы, которая препятствует человеку видеть божественное бытие. Мистический прорыв в божественное бытие, по мнению ранних суфиев, должен был сопровождаться озарением. Так один из подвижников раннего суфизма Ибрахим ибн Адхам в рассказе о своей встречи с аскетом по имени Аслам ибн Зайд из Александрии приводит его слова: «Тому, кто терпеливо переносит трудности, Бог вселяет в сердце свет (нур), который будет лампой в его сердце, благодаря которой он будет отличать истину (хакк) от лжи (батил)»²²¹. Рассматривая те условия, которые необходимы для богопознания и озарения в исламском мистицизме: взаимная любовь между Богом и человеком; уход из мира в среде ранних аскетов; преодоление своих низменных желаний, мы можем увидеть некоторые общие черты с христианским мистицизмом.

В контексте познания Бога православное богословие ставит необходимым условием любовь человека к Богу и Бога к человеку, преодоление своей тварной, падшей природы. «Возможность переживания Бога

²²¹ Насыров И. Р. Основание исламского мистицизма (генезис и эволюция). – М., 2012. – С. 206.